

О понятиях «семья» и «домохозяйство» в политической теории Жана Бодена

Гульнара Баязитова

Кандидат исторических наук, доцент Тюменского государственного университета

Адрес: ул. Володарского, д. 6, г. Тюмень, Российская Федерация 625003

E-mail: g.bayazitova@utmn.ru

В статье рассматривается традиция формирования понятий «семья» и «домохозяйство» в политической теории французского юриста и государствоведа Жана Бодена. Автор исследует главный политический труд Бодена «Шесть книг о Республике» для изучения коннотаций данных понятий и определения смысла, вкладываемого в эти термины Боденом. В качестве второстепенных источников привлекаются работы Ксенофонта, Аристотеля, Апулея и Юстина Историка, а также Свод законов Юстиниана. Боден обращается к трем разным традициям: древнееврейской, древнегреческой и древнеримской; каждая из них имеет собственную историю понятий «семья» и «домохозяйство». Боден использует древние традиции для полемики, и в конечном счете у него формируется собственное понимание не только дефиниций *famille* (семья) и *ménage* (домохозяйство), но и *République* — понятия республики, обозначающего с некоторыми оговорками домодерное государство. Сама фиксация данных понятий постулирует разделение политического пространства на частную и публичную сферы. Кроме того, понятия «семья» и «домохозяйство» являются ключевыми для раскрытия сущности суверенитета — принципа организации верховной власти в Республике. Автор приходит к выводу, что различие в понимании боденовских *famille* и *ménage* заключается не только в обладании собственностью и законодательном закреплении этого права, но и в том, что домохозяйство выступает как основа Республики, формирующая новое для политической мысли понятие «суверенитет».

Ключевые слова: семья, *famille*, домохозяйство, *ménage*, Республика, Боден

Политические и правовые воззрения французского юриста и государствоведа Жана Бодена (1530–1596) традиционно вызывают интерес исследователей с момента выхода его первого большого политического трактата «Шесть книг о Республике» в 1576 году. Ранних апологетов его творчества привлекало понятие «абсолютной монархии», которое он раскрыл и последовательно защищал в своем труде. Однако наиболее известной концептуально оформившейся дефиницией стало понятие суверенитета. Изучение творческого наследия Бодена ненадолго приостанавливалось лишь в XVIII веке, когда на волне эпохи Просвещения и Французской революции он выглядел крайне непопулярным автором. Уже в XIX веке возобновилось активное изучение политико-правовых идей автора как в отечественной, так и в зарубежной историографии (Баязитова, Митюрёва, 2012: 25–36). Взгляды

Бодена остаются объектом исследовательского интереса для многих современных авторов. Его тексты продолжают выходить на разных языках, и по мере углубления работы над переводами его книг появляются новые области исследования, такие как анализ понятий, терминологии, используемой Боденом. В русле этих исследований находится и представленная в данной статье проблема перевода понятий «семья» и «домохозяйство» в политической теории Бодена.

Сравнительно недавно вышло новое комментированное издание трактата «О демономании колдунов» на французском языке К. Мартином и В. Кроузом совместно с их коллегой Э. Макфейлом (Bodin, 2016). С 2017 года в издательстве «Шпрингер» анонсирован выход «Шести книг о Республике» на немецком языке под редакцией профессора Петера Майер-Таша¹ (сейчас ожидаемая дата издания обозначена 2021 годом). В России первый научный перевод работы Бодена сделан в 2000 году М.С. Бобковой (Боден, 2000). Это был трактат «Метод легкого познания истории», выпущенный издательством «Наука» с комментариями и большой вводной статьей. «Метод легкого познания истории» был первым крупным трудом Бодена, увидевшим свет в 1566 году. По сути, в «Метод» были впервые изложены политические воззрения Бодена, развернутые затем в «Шести книгах о Республике». В 2018 году Издательский дом Высшей школы экономики выпустил новое издание трактата под названием «Метод легкого чтения историй» под редакцией И. В. Кривушина и Е. С. Кривушиной (Боден, 2018). Актуальность обращения к творчеству Жана Бодена Кривушин объясняет размышлениями современных авторов над процессами «деколонизации, распадом старых империй, возникновением новых надгосударственных образований (Евросоюз)» (Кривушин, 2018: 30). При этом в поле зрения автора не попала российская историография «Метода», представленная главным образом работами М. С. Бобковой (Бобкова, 2000, 2001, 2010). Между тем, указанная актуализация относится именно к «Шести книгам», а не к «Методу». Главный политический труд Бодена — «Шесть книг о Республике» — до сих пор не переведен полностью на русский язык; мы имеем только фрагментарные переводы (Хачатурян, 1995: 688–695; Баязитова, 2012: 225–238). В 2018 году на конференции «Республиканизм: теория, история, современные практики» в Санкт-Петербурге молодая исследовательница Е. С. Захарова представила проект перевода первой книги о Республике Бодена.

Если обратиться непосредственно к изучению политического наследия Бодена, то мы можем выделить несколько основных дискуссионных полей, сформировавшихся в последние два десятилетия: проблема власти (Conti Odorioso, 2007; Ивонина, 2015); демонология Бодена в контексте политической борьбы и политической культуры раннемодерного французского общества (Тогоева, 2014; Martin, 2013: 117–136; Krause, 2013: 97–116); рецепция политических идей Бодена в разных

1. Профессор Питер Майер-Таш является одним из ведущих немецких специалистов по исследованию политических воззрений Жана Бодена. Ему принадлежат монография о Жане Бодене (2000 и 2011 года издания) и два переиздания «Шести книг о Республике» на немецком языке (1981 и 1986 годы).

странах (Lloyd, 2013; Митюрёва, 2016); республиканская традиция и формирование современного государства (Скиннер, 2015; Krogh, 2015).

В 2013 году вышел сборник статей, посвященный рецепции политических, религиозных, исторических идей Бодена в итальянской, английской, кастильской политической мысли под редакцией Хауэлла Ллойда (Lloyd, 2013). В 2015 году норвежский исследователь Томас Крог опубликовал статью о становлении современного государства и влиянии на данный процесс политической философии Бодена, в частности предложенной им трактовки понятия «государственная власть» (*state power*) как соотношения двух концепций: суверенитета и абсолютизма (Krogh, 2015: 43). Он определяет актуальность своего исследования, ссылаясь на авторитет Квентина Скиннера, отметившего, что «боденовская концепция государства является важным шагом к концепции современного государства, которую мы имеем сегодня» (Ibid.: 45). В таком контексте совершенно естественными представляется обращение ученых к переводу трактатов, попытки объяснить через анализ терминов понятия и идеи, которые политические философы развивали в своих трудах.

Политический язык и терминологию Жана Бодена исследовали Д. Кола, К. Скиннер, О. Хархордин, В. Шюрбаум (Кола, 2002: 75–152; Скиннер, 2002: 12–74; Хархордин, 2009: 45–73; Шюрбаум, 2009: 171–246). В них можно констатировать движение в сторону нового прочтения работ Бодена сквозь призму различных методологических подходов, постижения смыслов через исследование понятий, что также требует бережного и внимательного отношения к источнику и переводу его на другие языки. Обращение к истории понятий, предпринятое Рейнхартом Козеллеком и его коллегами в рамках направления *Begriffsgeschichten* (Арнаутова, 2014), а позже Кембриджской школой и, в частности, Скиннером (Skinner, 1978), актуально, поскольку, как показывают современные дискуссии о республиканизме, суверенитете и государстве, политические понятия возникают, видоизменяются и получают новые коннотации в зависимости от эпохи, контекста, личности автора. Так, в одной из последних статей Скиннера, вышедших на русском языке, автор рассматривает вопрос о свободе. Он начинает анализ с Т. Гоббса и Дж. Локка, попутно обращаясь к понятию справедливости у древних греков и в Дигестах Юстиниана, однако обходит мнение Бодена по вопросу свобод и ограничений власти (Скиннер, 2015: 25–42). Филипп Петит, размышляя о гражданской республиканской теории, обращается к понятиям *dominium* и *imperium* и их влиянию на формирование современных представлений о частной и публичной власти и свободе человека, но также не упоминает о суверенитете в политической теории Бодена (Петит, 2015: 43–88).

Тема власти и собственности, рассматриваемые Боденом в качестве основы организации домохозяйства, являющегося, в свою очередь, элементом первого политического догосударственного образования — «республики», получает новое развитие в контексте изучения истории власти мужчин и положения женщин в семье. Итальянская исследовательница Джиневра Конти Одориосо рассматривает соотношение таких явлений, как семья и государство, у Бодена. Она спорит

с традицией и ставит под сомнение тезис Бодена о сходстве семьи и государства, пытаясь определить их различия и контрасты. Автор показывает, что политико-символическая функция передавалась от отца к семье-суверену. Ее позиция диктуется теоретической рамкой, фокус которой сосредоточен на феминизме. Так, исследовательница приходит к выводу, что в сфере частного и в межличностных отношениях центральной проблемой является исключение женщин из публичной сферы (Conti Odorioso, 2007: 15). Конти Одориосо уточняет, что Боден, употребляя в своем трактате термин *ménage*, имеет в виду «домашнее хозяйство» (*maisonné*) — расширенную семью, состоящую из основного ядра и других семейных групп, сформированных из женатых детей, которые находятся под властью отца (Ibid.: 16). И уже здесь мы видим принцип неделимости власти. Автор утверждает, что противопоставление семьи и государства начинается с определения, которое Боден дает семье и государству — как правильному управлению, которое противопоставляется «правлению» главы бандитов и пиратов. Таким образом, Боден ставит вопрос о легитимности власти. Спорным представляется утверждение Конти Одориосо о том, что определение отцовской власти (*puissance paternelle*) не дает никакого критерия легитимности (Ibid.: 20). Определение правильного управления семьей у Бодена содержит лишь власть отца семейства над всеми своими домочадцами и подчинение, которое они обязаны выказывать ему (Bodin, 1579: 10). Таким образом, государство ни в коем случае не является аналогом большой семьи. Но семья конституирует государство, поскольку именно из домохозяйств складывается собственно государство, или *République*, как его называет Боден. Однако Конти Одориосо не обращается к истокам боденовского *famille*, априори приравнивая его к *ménage*.

Монография Конти Одориосо включает в себя исследование понятия государства, рассматривает связь понятий государства и домохозяйства. В книге уделяется внимание разбору принципа организации домохозяйства и его сопряжению с современными проблемами распределения власти в семье. Однако подробное исследование особенностей употребления Боденом термина «домохозяйство» и его соотношения с понятием «семья» в работе отсутствует, как нет подобного анализа и в работах других авторов. Между тем, Боден неслучайно начинает свой огромный труд с определения республики через понятие домохозяйства и затем продолжает книгу главой о домохозяйстве: «домохозяйство» — основа рассуждений о принципе организации и о структуре боденовской республики. Для обозначения этого понятия он использует три основных термина: *ménage*, *menagerie* (домохозяйство) и *famille* (семья). Каждый из этих терминов имеет однозначный перевод, но в тексте Бодена они используются иногда как синонимы, а иногда как взаимодополняющие термины. Цель нашего исследования — определить, что вкладывает Боден в понятия *famille/ménage*, и проанализировать, как они соотносятся друг с другом и какую смысловую нагрузку несут в его политико-философских построениях. В этой связи мы рассмотрим два аспекта: во-первых, изучим собственно формирование традиции использования понятий *famille/*

ménage в западной политической мысли и историю постепенного стирания границ у этих терминов в историографии Бодена. Во-вторых, раскроем, каким образом заурядный для политической философии сюжет о связи между понятиями «семья»/«домохозяйство» и «Республика» становится ключевым для «Шести книг» в свете политических дискуссий во Франции XVI века.

Трактат Бодена «Шесть книг о Республике» впервые был издан в 1576 году и выдержал около десятка переизданий в разных странах и на разных языках до начала XVIII века. Написанный в полемике с гугенотским публицистом Франсуа Отманом, трактат стал важной вехой в становлении представлений о современном государстве, поскольку ввел в политический язык понятие «суверенитет». В нашей работе перевод главного политического трактата Бодена как «Шесть книг о Республике», в отличие от общепринятого варианта «Шесть книг о государстве», обусловлен не только особенностью оригинального словоупотребления самим автором («*la République*», «*Res publica*»), но и тем обстоятельством, что у Бодена появляются лишь элементы идеи современного государства (*état*) (Баязитова, 2016); говорить же о Франции XVI века как о современном государстве представляется анахроничным. Цельное осмысление этого термина в самом трактате отсутствует. В данной статье в качестве источника используется издание на французском языке 1579 года, дополненное статьей о суверенитете, а также латинское издание 1591 года, переведенное самим Боденом. В тексте статьи приводятся ключевые определения понятий и основных сюжетов, иллюстрирующих применение дефиниций в разных традициях на языке оригинала.

К моменту создания «Шести книг о Республике» в арсенале политических философов уже имелись базовые понятия для оформления политической мысли. Это были интерпретации латинских понятий, которые коррелировали с греческими терминами и впоследствии нашли свое отражение в теории Бодена: *res publica* — πόλις — *république* — государство; *potestas, imperium* — κράτος — *pouvoir, puissance* — власть, могущество; *justicia* — δικαιοσύνη — *justice* — справедливость, правосудие². Каждый из них имел собственный, более узкий смысл и мог трактоваться в зависимости от контекста употребления. В XVI веке мы уже видим устоявшуюся традицию обращения к референтной группе политических мыслителей. Так, в «Шести книгах» поля содержат многочисленные глоссы и ссылки. Ксенофонт, Аристотель, Платон, Полибий, Апулей, Цицерон, Дионисий Галикарнасский, Раввин Маймон — те авторы, к политическому наследию которых Боден обращается наиболее часто. Это говорит не о предпочтениях автора, а скорее об общей ученой традиции, которая не позволяет высказывать суждение без ссылки на авторитеты. Другой причиной обращения к традиции является тот факт, что «Шесть книг» мыслились автором как продолжение этой самой традиции. Проблемы, которые затрагивает Боден в своей работе, — это сюжеты, повторяющиеся как у античных, так и у средневековых мыслителей: вопрос о зарождении πόλις, *civitas, res*

2. О соотношении понятий «правосудие» и «справедливость» у Бодена подробно написано в работе: Баязитова, Митюрёва, 2012: 160–166.

publica; вопрос о формах государственного устройства, вырождении государств; сюжет о семье как прообразе государства также типичен для многих античных авторов. Р. Шовирэ отмечает, что семья предстает первым стабильным элементом общества, существовавшим длительное время. По его мнению, ни в античных обществах, ни в обществе раннего Нового времени индивидуум не существовал как ценность, но ценностью было сообщество — семья, клан, род, отечество, и именно поэтому семья (*famille*) становится одним из объектов исследования у Бодена (Chauviré, 1914: 305).

Первым определением, по поводу которого дискутирует Боден, является определение домоводства у Ксенофонта (в греческом варианте — οἰκονομία) как науки, «при помощи которой люди могут обогащать хозяйство, а хозяйство, согласно нашему определению, есть все без исключения имущество, а имуществом каждого мы назвали то, что полезно ему в жизни, а полезное, как мы нашли, — это все, чем человек умеет пользоваться» (Xenophon, 1921: ch. 6). Ксенофонт во главу угла ставит именно экономическую составляющую домохозяйства. По мнению Бодена, это неверно, поскольку нельзя отчленить главное от целого, в частности, экономику от полиса³ (Bodin, 1579: 10). Для Бодена экономическая и политическая составляющие неразрывно связаны между собой. Ведь именно Боден одним из первых европейских мыслителей дал обоснование количественной теории денег, показав в своем трактате взаимозависимость политической конъюнктуры и экономического благополучия государства (Коган-Бернштейн, 1946: 345).

Тем не менее в рассуждениях Боден сам отталкивается от идей античных авторов, и не только методом «от противного». Все вопросы, которых касались Ксенофонт и Аристотель, Боден поднимает снова в попытке уточнить природу власти. Во-первых, подвергая анализу идеи Ксенофонта, он не артикулирует, но все же принимает во внимание фразу древнего автора о том, что «дело хорошего хозяина состоит в хорошем управлении хозяйством» (Xenophon, 1921: ch. 1). Во-вторых, он пользуется логикой Аристотеля, который в своей «Политике» дает важное уточнение по поводу домохозяйства: домохозяин (οἰκονομικὸν) и царь (βασιλικόν) хоть и различаются количеством управляемых ими людей, но природа их власти схожа, поскольку и тот и другой управляют в силу присущей им личной власти (Aristotle, 1957: 1.1252a). Таким образом, проблема власти и управления поднимается и Ксенофонтом, и Аристотелем при определении того, что же такое домохозяйство. Боден резюмирует это в своем знаменитом определении: «Так что хорошо управляемая семья является истинным изображением Республики, и домашняя власть похожа на суверенное могущество: [она] также является правильным управлением домом, истинной моделью управления в Республике»⁴ (Bodin, 1579: 11).

3. «Et par ainsi Xenophon et Aristote, sans occasion à mon advis, ont divisé l'œconomie de la police: ce qu'on ne peut faire sans demembrer la partie principale du total, et batir une ville sans maisons...»

4. «Tout ainsi donc que la famille bien conduite, est la vraye image de la Republique, et la puissance domestique semblable à la puissance souveraine: aussi est le droit gouvernement de la maison, la vray modelle du gouvernement de la Republique».

Второй момент дискуссии — это организация домохозяйства. Боден говорит о пяти и более персонах, создающих домохозяйство. Это глава семейства (*chef de famille*), мать семейства (*mere⁵ de famille*), дети, рабы или освобожденные люди⁶ (Bodin, 1579: 11). Его понимание структуры домохозяйства строится на аристотелевской или даже более ранней традиции. Аристотель выделяет три типа отношений в домохозяйстве: господин и раб, муж и жена, отец и дети (Aristotle, 1957: 1.1253b). Он также обращает внимание на то, что в современной ему семье присутствуют два элемента — свободные люди и рабы. Очевидно, что Боден сближается с Аристотелем в понимании того, как организовано домохозяйство с точки зрения структуры.

Другой источник — это мнение Апулея, о котором упоминает Боден: «Пятнадцать свободных людей — это народ, пятнадцать рабов — это домохозяйство, пятнадцать скованных рабов — тюрьма» (Apuleius, 1912: 47). Народ, с точки зрения Апулея, состоит из пятнадцати персон и, следовательно, трех домохозяйств. Боден соглашается с ним: «Мы говорим по той же причине, что необходимо не менее трех домохозяйств для того, чтобы создать одну Республику, что составляло бы три раза по пять [персон] для трех полных домохозяйств»⁷ (Bodin, 1579: 11). При этом он обращает внимание на то, что даже если семья будет насчитывать более тысячи человек, это будет тем не менее домохозяйство, которое подчиняется одному главе семьи и управляется им: так, даже очень крупное хозяйство, где «отец семейства (*pere de famille*) имеет триста наложниц, шестьсот детей... или пятьсот рабов», находится под властью домохозяина, но не является при этом ни народом, ни Республикой — «ce n'est pas un peuple»⁸, оставаясь всего лишь домохозяйством (Bodin, 1579: 11–12). И далее, рассуждая про малые и большие королевства и наличие у них суверенной власти, Боден подчеркивает, что для признания за некоторым образованием статуса республики важна не численность подданных, а принцип распределения власти; иные семейства по размеру могут оказаться крупнее отдельно взятой республики, авторитет же отца семейства, подобно авторитету суверенного монарха — непререкаем и неделим⁹ (Bodin, 1579: 13). Три домохозяй-

5. Цитаты и большинство терминов в работе приведены в том виде, в котором они присутствуют в первоисточнике, и их вид может отличаться от написания, принятого в современном французском языке.

6. «Car la loy veut du moins trois personnes pour faire un college, et autant pour faire une famille, outre le chef de famille, soient enfans, ou esclaves, ou affranchis, ou gens libres qui se soubmettent volontairement à l'obeissance du chef de mesnage, qui fait le quatrieme, et toutefois membre de la famille. Et d'autant que les mesnages, corps et colleges, ensemble les Republicques, et tout le genre humain peritoit, s'il n'estoit repeuple par mariages, il s'ensuit bien que la famille ne sera pas accomplie de tout point sans femme, qui pour ceste cause est appelee mere de famille».

7. «Nous dirons par mesme raison, qu'il faut du moins trois mesnages pour faire une Republicque, qui seroit trois fois cinq pour trois mesnages parfaictes».

8. «Autrement s'il n'y a qu'un mesnage, encore que la pere de famille eust trois cens femmes, et six cens enfans, autant qu'en avoit Hermotimus Roy de Parthe, ou cinq cens esclaves comme Crassus: s'ils sont tous sous la puissance d'un chef de mesnage, ce n'est pas un peuple, ny une Republicque, ains un mesnage seulement».

9. «Et par ce moyen il se pourra faire, qu'une famille sera plus grande qu'une Republicque, et mieux peuplee: comme l'on dit du bon pere de famille Ælius Tuberon...»

ства Боден ассоциирует с составными частями республики, и опять можно видеть, как происходит переход из сферы частного к сфере публичного: «Говорят, может быть, что три корпуса и коллегии или многочисленные частные лица без семьи могут также хорошо составить республику, если она управляется суверенной властью. Выглядит вроде бы верно, но тем не менее это не республика, поскольку все корпуса и коллегии распадутся сами собой, если не укреплены семьей»¹⁰ (Bodin, 1579: 12).

Боден часто обращается как к мнению авторитетных иудейских раввинов, например, раввина Маймона, так и собственно к каббале. И, раскрывая вопрос, связанный с «семьей» и «домохозяйством», он не обходит стороной древнееврейскую традицию. Поэтому третий источник, который мы выделяем для определения того, что он вкладывает в понятие «семья» или «домохозяйство», — это древнееврейская традиция, влияние которой прослеживается во всем тексте «Шести книг о Республике». Согласно традиции, глава, хозяин или господин дает семье (*famille*) свое имя, и кроме того, семья (*famille*) — это то, что подразумевает владение имуществом: «И по этой причине евреи, которые всегда обозначают свойство вещи в ее названии, называли семью ףלך (элеф — тысяча) не оттого, что семья содержала бы тысячу персон, как говорит один раввин (Rabin), а от слова ףלך (элуф — тысячник), которое обозначает главу, хозяина, государя (*Prince*), называющего по своему имени семью»¹¹ (Bodin, 1579: 12).

Наконец, четвертый, и, на наш взгляд, ключевой источник для понимания того, что такое домохозяйство (*ménage*) у Бодена, — римское право. По мнению одного из исследователей юридического наследия Бодена Жана Моро-Рейбеля, моделью для Бодена выступает не «Политика» Аристотеля, а «Свод Юстиниана» (*Corpus Juris civilis*). Моро-Рейбель одним из первых указал на истоки концепций Бодена, в частности, мужской и отцовской власти, могущества хозяина над рабами (Moreau-Reibel, 1933: 139). Он говорит о том, что семья (*famille*) как домохозяйство (*ménage*) и как ячейка (*cellule*) придает политическому телу смысл социальный, а понятие суверенитета (*souverainité*) — юридический (Moreau-Reibel, 1933: 151).

В Дигестах Юстиниана *familia* определяется в нескольких значениях. Во-первых, как «обозначение какой бы то ни было корпорации, которая образуется правом самих (ее членов) или целой общности родственников. В узком юридическом значении фамилией мы называем несколько лиц, находящихся под властью одного, подчиненных ему по природе или в соответствии с правом, как, например, отец семейства или мать семейства, подвластный сын, подвластная дочь, а также те, кто следуют за ними... Фамилией общего права мы называем всех аг-

10. «Mais on dira peut estre, que trois corps et colleges, ou plusieurs particuliers sans famille, peuvent aussi bien composer une Republique, s'ils sont gouvernez avec puissance souveraine: il y a bien apparence: et toutefois ce n'est point Republique: veu que tout corps et college s'aneantist de soy-mesme: s'il n'est réparé par les familles».

11. «Et pour ceste cause les Hebreux, qui monstrent toujours la propriété des choses par les noms, ont appelé famille... non pas pour ce que la famille contient mil personnes, comme dit un Rabin, mais du mot... qui signifie chef, seigneur, prince, nommant la famille par le chef d'icelle».

натов...» (D. 50. 16. 195. 2; Дигесты Юстиниана, 2005: 503). Таким образом, здесь признается факт власти и родства. Во-вторых, далее говорится, что рабы также входят в *familia*: «Рабов мы также обычно называем фамилией, как мы это находим в преторском эдикте в титуле о воровстве, где претор говорит о фамилии публиканов... В другой же части эдикта этим (словом) охватываются все рабы, как, например, в (титуле) о похищении людей, об имуществе, захваченном силой, а также об (иске) относительно отмены договора купли-продажи, когда возвращается вещь, оказавшаяся хуже при использовании ее покупателем или его фамилией, и в (титуле) об интердикте „что силой“ термин „фамилия“ включает в себя всех рабов» (D. 50. 16. 195. 3; Дигесты Юстиниана, 2005: 503). Рабы представляют собой движимое имущество и являются собственностью *familia*. В-третьих, *familia* — это «некоторое количество лиц, которые по крови происходят от одного и того же родоначальника (как, например, мы говорим „фамилия Юлия“), как бы в память о некоем общем истоке». Кроме того, говорится, что «этот (термин) [*familia*] распространяется как на вещи, так и на лица» (D. 50. 16. 195. 4; Дигесты Юстиниана, 2005: 503). Здесь выделяется особая принадлежность человека к определенному обществу. Следовательно, в римском праве обозначается три основных значения *familia*: родство, власть и собственность.

В латинском варианте текста Боден говорит не просто о *familia* в значении «семья» или «домохозяйство», но о *iure familiare* («праве семьи») (Bodini, 1591: 10). Идея о том, что глава семейства должен сохранять имя семьи, имущество и древние признаки, также существует и в древнеримском *ius familiare* и сохраняется в древних семьях Франции и Германии: «Такие законы семейств, которые римляне также имели и называли *ius familiare*, создавались отцами семейств для взаимного сохранения своих имуществ, имени и древних признаков»¹² (Bodin, 1579: 18). В небольшой дискуссии, развернувшейся на страницах интернет-журнала, Александр Марей поясняет, что Боден, используя термин *familia*, имеет в виду не семью в современном понимании, а именно домохозяйство, поскольку этим понятием обозначались не только отношения родства, но также и движимое и недвижимое имущество, включая рабов; следовательно, и *pater familias* следует переводить не как «отец семейства», но скорее как «домовладыка»: «Боден, наследуя традиции римского частного права, освоенного им в Университете Тулузы, пишет не о семье, но о „домохозяйстве“... римский *paterfamilias* — это не „отец семейства“, а „домовладыка“» (Марей, 2016). Данное замечание ценно, поскольку выводит нас за рамки привычной терминологии, уточняя и расширяя возможности перевода и интерпретации. *Pater familias* — отец (глава) семейства, термин, который известный исследователь в области римского права Д. В. Дождев также переводит, в том числе, и как «домовладыка» (Дождев, 1993: 64). Само представление о *pater familias* восходит к царскому совету, членов которого Ромул называл *patres* («отцы») (Там же: 25). Этот орган выполнял функции *interregnum* (междуцарствия), когда «отцы»

12. «Telles loix de familles, que les Latins avoient aussi, et les appelloient ius familiare, sont faites par les chefs de familles, pour la conservation mutuelle de leurs biens, nom et marques anciennes».

поочередно отправляли власть. *Patres* обладали правом производить птицегадания (ауспиции); отправление ауспиций наделяло *patres* всей властью в государстве. *Patres* имели право утверждать нового царя. Дождев цитирует Цицерона, говоря о том, что *principes*, выбранные Ромулом в совет, были названы «*patres*» из-за *caritas* — «уважения, почета» (Там же: 34). *Patres* обладали *auctoritas* (авторитетом) как лидеры малых групп. *Auctoritas* противостоял *imperium* — публичной власти высших магистратов, приравненной к царской власти, и ограничивал ее (Там же: 48). Соответственно, Дождев дает следующий перевод определению *pater familias* в «Дигестах Юстиниана»: «Отцом же семейства называется тот, кто в доме имеет *dominium*, и правильно называется этим именем, даже если не имеет сына: ведь не только его лицо, но и власть обозначаем, даже малолетнего называем отцом семейства» (Там же: 64). Также автор обращает внимание, что *dominium* — власть домовладыки по отношению к рабу (Там же: 62). В переводе же А. Л. Смышляева *dominium* приводится в первом случае как «собственность» (D. 50. 16. 195. 2; Дигесты Юстиниана, 2005 : 503), а во втором — как «власть в отношении рабов»: «Слово “власть” имеет много значений; в отношении личности магистрата оно означает его империю, в отношении детей — отцовскую власть, в отношении рабов — власть господина» (D. 50. 16. 215; Дигесты Юстиниана, 2005: 511). Следовательно, *dominium* — это частная власть домовладыки, включающая, в том числе, владение рабами. *Familia* при этом является тем, с чем себя идентифицирует *pater familias* (отец семейства, домовладыка), например, принадлежность к определенному роду. В этом смысле домовладыка является частью этой *familia* (Дождев, 1993: 63).

Таким образом, мы видим, как понятие *ménage*, которое использует Боден в тексте на французском языке, по сути, объединяет не только представление о структуре семьи, системе родства, но также и о ее собственности, закрепленной юридически. Это немаловажно, поскольку сама *familia*, будучи социальным элементом, составляла важную часть правовой системы. Именно этот момент важно отметить при интерпретации *ménage*. Здесь снова можно вернуться к тезису Конти Одориосо об отсутствии легитимации власти *pater familias*. Власть *pater familias* была закреплена законодательно, по крайней мере, в римском праве. В XVI веке во многих регионах Франции римское право оставалось действующим законодательством, поэтому данный тезис представляется неверным.

Мы определили, что как у древних евреев и древних греков, так и у римлян понятие семьи несло в себе коннотацию обладания собственностью. И этот аспект является превалирующим для древних и для Бодена, поскольку, характеризуя и *ménage*, и *République*, он говорит о собственности, которой обладает как семья, так и государство. Видно, что *familia* дополняется, подкрепляется понятием *dominium*. Поэтому можно утверждать, что *familia* — это субъект, который обладает *dominium* — правом собственности. Следовательно, *ménage* — это домохозяйство, основанное на праве собственности. И это очевидным образом вытекает из рассуждений Бодена, который не только опирался на философскую, нарративную

традицию, но и апеллировал к древнеримским законам. Само определение *ménage* (понятия «домохозяйство») предполагает обладание имуществом, собственно-стью: «Домохозяйство есть правильное управление главой семейства многими подданными и имуществом, которое семейству принадлежит»¹³ (Bodin, 1579: 10). Имущество (*biens*) — экономическая основа домохозяйства и любой Республики. Поэтому Боден четко проводит разделение между частным и публичным. «Но кроме суверенитета необходимо нечто общее и публичное, такое как публичный домен, публичная казна, улицы, городские стены, площади, башни, рынки, обычаи, законы, кутюмы, правосудие, налоги, наказания и другие подобные вещи, которые являются общими или публичными, или и тем и другим вместе; поскольку нет республики, если нет ничего публичного»¹⁴ (Ibid.: 14). И здесь, конечно, публичное пространство противопоставляется частному. В дефиниции *ménage* — «ce qui luy est propre», «то, что у него есть частного», обозначает имущество, которым владеют домовладыки (главы семейств). Оно естественным образом противопоставляется «ce qui leur commune» — «то, что у них есть общего» — публичному имуществу. Марей обращает внимание на то, что «„общее“, о котором пишет Боден, мы обычно называем сегодня „публичным пространством“, причем сразу в нескольких смыслах: и в вещественном, и в правовом» (Марей, 2016). Строгую критику уничтожения частного имущества, предлагаемого Платоном и анабаптистами, Боден строит на основе принципа политического: граждане, владеющие частным имуществом, вносят вклад в общее имущество (*bien public*) в виде налогов: «Республика — это правильное управление множеством семей и всем их общим имуществом; также и семья — это правильное управление главой семейства множеством подданных и имуществом, которое семейству принадлежит, и в этом состоит настоящее различие между Республикой и семьей, так как глава семейства управляет собственностью семьи. При этом каждая семья часто и почти в обязательном порядке должна предоставлять и вносить что-нибудь из своего частного в общее в форме тальи или дорожной пошлины или экстраординарных налогов»¹⁵. Магистраты также должны печься об имуществе сирот, безумных и людей, оставшихся без дохода, поскольку сохранение частного имущества гарантирует сохранение публичного¹⁶ (Bodin, 1579: 15–17).

13. «Mesnage est un droit gouvernement de plusieurs sugets, sous l'obeissance d'un chef de famille, et de ce qui luy est propre».

14. «Mais outre la souveraineté, il faut qu'il y ait quelque chose de commun, et de public: comme le domaine public, le thresor public, le pourpris de la cité, les rues, les murailles, les places, les temples, les marchez, les usages, les loix, les coustumes, la iustice, les loyers, les peines, et autres choses semblables, qui sont ou communes, ou publiques, ou l'un et l'autre ensemble: car ce n'est pas Republique s'il n'y a rien de public».

15. «Tout ainsi donc que la Republique est un droit gouvernement de plusieurs familles, et de ce qui leur est commune, avec puissance souveraine: aussi la famille est un droit gouvernement de plusieurs sugets sous l'obeissance d'un chef de famille, et de ce qui luy est propre, et en cela gist la vraye difference de la Republique et de la famille: car les chefs de famille ont le gouvernement de ce qui leur est propre: encores que chacune famille soit bien souvent, et quasi par tout obligee, d'apporter, et contribuer quelque chose de particulier en commune, soit par forme de taille, ou de peages, ou d'impots extraordinaires».

16. «Les magistrats en toute Republique bien ordonnee, ont soin et soucy du bien particulier des orphelins, des insensez, et des prodigues: comme chose qui touche et concerne le public...»

Проблема собственности семьи становится, таким образом, центральной для Бодена. Именно право частной собственности выступает у него одним из ограничений власти суверена. Если публичная собственность — составляющая часть республики, то частная собственность выступает как ее основа, при этом уважение права собственности является добродетелью истинного правителя: «Если же суверенный государь не властен нарушать границы законов природы, которые установил Бог, чьим образом на Земле он является, то он также не может брать имущество другого без справедливой и разумной причины, а либо посредством покупки, либо обмена, либо законной конфискации»¹⁷ (Bodin, 1579: 156). Поэтому можно поспорить с утверждением С. Гойард-Фабр о том, что политическое сообщество не подпадает под действие естественного закона, поскольку якобы только семья как частное сообщество подчиняется естественному закону в силу своего естественного происхождения (Goyard-Fabre, 1989: 82). Естественный закон ограничивал и действие публичного права, и действия государя как публичного лица. И здесь важно вспомнить сюжет спора о королевском домене на заседании Генеральных штатов в Блуа в 1576 году, в котором Боден принимал непосредственное участие. Этот спор органически вписывается в обсуждение вопроса о том, что представляют собой «семья» и «домохозяйство» для Бодена. Во время заседания Боден в качестве депутата от округа Вермандуа защищал позицию о неделимости королевского домена и возражал против продажи части домена со стороны короля. Домен являлся, с одной стороны, личным фьефом короля, а с другой стороны — фискальной собственностью. Кроме того, он символизировал территорию, объединявшую французский народ. Здесь необходимо обратиться к интерпретации фигур короля и королевства как мужа и жены, а домен, таким образом, символизирует домохозяйство, в котором властвует король как домовладыка (Канторович, 2015: 321; Десимон, 2002: 139). Франсуа Отман писал в своей «Франкогаллии»: «Домен короля — это как бы приданое королевства» (Hotman, 1586: 66).

В XVI веке дискуссия Бодена о «домохозяйстве» и «семье» вписывается в общую дискуссию об увеличении королевских прерогатив, по сути, королевской власти. Часть политических мыслителей видела в этом явлении узурпацию власти со стороны монарха (Hotman, 1573; De Bèze, 1575), другая часть, наоборот, говорила о необходимости усиления централизованной власти и сосредоточении ее в одних руках, поскольку это будет содействовать укреплению и процветанию государства (Seysse, 1557). Постепенно начинает формироваться представление о верховной власти (о том, что в средневековых канонических источниках называлось *summa potestas* или *summa imperium*). Однако до 1576 года, до издания «Шести книг», мы можем встретить лишь отдельные упоминания о верховной власти, или *majestatem senioria* — «ἀκραν ἐξουσίαν» (Bodin, 1579: 85). За десять лет до появления понятия

17. «Si donc le prince souverain n'a pas puissance de franchir les bornes des loix de nature, que Dieu, duquel il est l'image, a posees, il ne pourra aussi prendre le bien d'autrui sans cause qui soit iuste et raisonnable, soit par achat, ou eschange, ou confiscation legitime, ou traittant paix avec l'ennemy, si autrement elle ne se peut conclure, qu'en prenant du bien des particuliers pour la conservation de l'estat».

«суверенитет» Боден формулирует пять основных признаков суверенитета как возможность реализации следующих прав: назначать магистратов; принимать, отменять и обнародовать законы; объявлять войну и заключать мир; выступать высшей судебной инстанцией для граждан; карать и миловать (Боден, 2000: 151–152).

Тема верховной власти, суверенитета, его отличительных признаков и пределов влияния была актуализирована в XVI веке и представляет исследовательский интерес в настоящее время. И здесь уже следует говорить не только о власти домовладыки. Глава «Шести книг», посвященная домохозяйству, условно делится на несколько разделов: это собственно определение того, что такое *ménage* (домохозяйство), фиксация структуры семьи и переход от структуры семьи к структуре республики; ассоциативный ряд от главы семьи к главе Республики, обладающему суверенной властью, и от частных вещей к публичным вещам; фиксация того, что такое республика и что такое семья как часть этой республики и главный налогоплательщик; и, наконец, роль магистратов в сохранении частого имущества. В пяти абзацах Боден совершает переход от частного к общему, от семьи к республике, от частной власти к суверенитету. Этот момент тоже важно отрефлексировать: Боден практически сразу разделяет две сферы жизни — частную и публичную. Власть, о которой он будет говорить в последующих главах, также подразделяется на частную и публичную. Власть, которую реализует в своем домохозяйстве глава семейства, относится к частной сфере, равно как и все домохозяйство в целом: «Частное управление находится у главы домохозяйства и у корпусов и коллегий в общем... Управление домохозяйствами существует в четырех видах: мужа над женой, отца над детьми, господина над рабами, хозяина над наемными работниками» (Bodin, 1579: 19)¹⁸. На основе частной власти отца семейства выстраивается другая, более важная система власти: «Публичная власть возлагается на суверена, который дает закон, или на персону магистрата, который повинуется закону и руководит другими магистратами и частными лицами»¹⁹ (Ibid.: 19). Здесь обнаруживается ключевое отличие в понимании домохозяйства по сравнению со всей предыдущей традицией. Боден вводит понятие «домохозяйство» в публичную сферу, связывая его с сувереном, который обладает правами и обязанностями как лицо, управляющее республикой: «Республика является правильным управлением множеством домохозяйств и всем общим, что им принадлежит, посредством суверенной власти»²⁰ (Ibid.: 1). Лишь в XVII веке, когда Гоббс поставит частную жизнь и имущество под действие публичного закона и публичной власти, мы сможем увидеть, как начинают стираться границы между понятиями *famille u ménage* (семья и домохозяйство). Авторы сначала превращают данные термины в сино-

18. «Le commandement particulier est aux chefs de mesnages, et aux corps et colleges en general... Les commandement des mesnages se prend en quatre sortes, du mary envers la femme, du pere envers les enfans, du seigneur envers les esclaves, du maistre envers les serviteurs».

19. «La puissance publique gist au souverain qui donne la loy, ou en la personne des magistrats, qui ployent sous la loy... et commandement particulier est aux chefs de mesnages, et aux corps et colleges en general...»

20. «Republique est un droit gouvernement de plusieurs mesnages, et de ce qui leu rest commun, avec puissance souveraine».

нимы, а потом и вовсе заменяют устаревший термин *ménage* на более понятный и современный *famille*. С легкой руки Анри Бодрийяра *République* заменяется термином *État*, а *ménage* — термином *famille*. Бодрийяр приравнял понятия, положив начало традиции говорить о «Шести книгах о Республике» как о «Шести книгах о государстве» (Baudrillard, 1853: 233–234). Здесь, очевидно, сыграло свою роль складывание института нуклеарной семьи на Западе, когда семья уже мыслилась более узко, включала в себя меньшее количество членов и превратилась из домохозяйства в семью в современном понимании.

Таким образом, можно сделать три основных вывода.

Во-первых, можно с уверенностью сказать, что наличие разных терминов для обозначения такого явления, как «семья»/«домохозяйство», в политической теории Жана Бодена объясняется не только исторически сложившимися особенностями развития французского языка, но и наличием сразу нескольких традиций, которыми воспользовался Боден для обоснования того, что же такое семья и домохозяйство в республике, которую он описывает. Эти традиции имеют разную временную длительность, но являются репрезентативными для самого мыслителя: древнееврейская, древнегреческая, древнеримская, а также христианская традиция, о которой не упоминает сам мыслитель, говоря о домохозяйстве, но которая появится в последующих главах текста «Шести книг», поскольку божественный и естественный закон отправляет нас прямо к томистской традиции иерархизации высших законов. Другим важнейшим поводом обращения Бодена к теме определения понятия домохозяйства является политический контекст второй половины XVI века с его спорами о верховной власти и ее пределах. Боден встраивает актуальный спор о королевском домене в теоретические рамки политической традиции.

Во-вторых, в основе любой хорошо устроенной Республики лежит хорошо устроенное домохозяйство, управляемое домовладыкой, базирующееся на законе, которое пополняет казну Республики путем уплаты налогов, сохраняет в неприкосновенности частное имущество подданных и, следовательно, охраняет имущество Республики. Более того, частная собственность выступает гарантом сохранения публичной собственности и гарантом публичной суверенной власти. Цепочка «семья — домохозяйство — республика» является преемственной и неразрывной для понимания того, как строится структура всей республики Жана Бодена в целом. Однако самым важным здесь выступает понятие суверенитета, конституирующее как семью, так и государство. Суверенная власть рождается в домохозяйстве. Философы, предшественники Бодена, выводили полис/цивитас/республику из домохозяйства, однако не фиксировали наличие суверенитета как принципиально необходимого элемента.

В-третьих, мы можем констатировать процесс движения к усложнению терминов. Семья (*famille*), состоящая из главы семейства (домовладыки), его жены, детей и рабов, которые образуют домохозяйство (*ménage*), занимается самовоспроизводством. Домохозяйство — это не просто экономическая структура или

часть политической системы, это существование отдельных людей, семьи в рамках сложных общественных, имущественных и правовых отношений. В определенный период времени и исследований произошло упрощение терминологии, это было связано с различными процессами, протекавшими в обществе и отражавшимися на переводе источников. В настоящее время мы обращаемся к новым переводам, пытаемся понять, что стояло за теми или иными понятиями, почему они использовались именно в такой конфигурации. Поэтому взаимодополняющий перевод терминов *famille/ménage* в зависимости от контекста, безусловно, оправдан и применим в данном конкретном случае, но следует помнить, что синонимами они ни в коем случае не являются.

Литература

- Арнаутова Ю. (ред.). (2014). Словарь основных исторических понятий. М.: Новое литературное обозрение.
- Баязитова Г. И. (2016). «Государство, государство, вечное государство...» URL: <http://gefter.ru/archive/20469> (дата доступа: 01.12.2019)
- Баязитова Г. И., Митюрёва Д. С. (2012). В преддверии рождения государства: язык, право и философия в политической теории Жана Бодена. Тюмень: Изд-во ТГУ.
- Бобкова М. С. (2000). Жан Боден и его трактат «Метод легкого познания истории» // Боден Ж. Метод легкого познания истории. М.: Наука, 2000. С. 332–360.
- Бобкова М. С. (2001). Еще одна попытка реконструкции биографии Жана Бодена // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 5. М: УРСС. С. 75–101.
- Бобкова М. С. (2010). «Historia pragmata»: формирование исторического сознания новоевропейского общества. М.: ИВИ РАН.
- Боден Ж. (2000). Метод легкого познания истории / Пер. с лат. М. С. Бобковой. М.: Наука.
- Дигесты Юстиниана (2005). Т. VII. Полутом 2 / Под ред. Л. Л. Кофанов. М.: Статут.
- Дождев Д. В. (1993). Римское архаическое наследственное право. М.: Наука.
- Ивонина Л. И. (2015). Монополизация власти и государственный суверенитет в эпоху классической Европы // Исторический формат. № 1. С. 92–103.
- Коган-Бернштейн Ф. А. (1946). Экономические взгляды Бодена // Средние века. Вып. 2. С. 333–348.
- Кола Д. (2002). Политическая семантика «Estat» и «état» во французском языке / Пер. с франц. Д. Калугина // Хархордин О. В. (ред.). Понятие государства в четырех языках. СПб.: ЕУСПб; М.: Летний сад. С. 75–113.
- Кривушин И. В. (2018). Возвращение Бодена // Боден Ж. Метод легкого чтения историй. Т. 1: Что есть исторический жанр. М.: НИУ ВШЭ. С. 26–30.
- Марей А. В. (2016). О Жане Бодене замолвите слово. URL: <http://gefter.ru/archive/20194> (дата доступа: 19.10.2018).

- Митюрёва Д. С.* (2016). К вопросу о преемственности идей Ж. Бодена в трактате Д. Уира // Вестник Томского государственного университета. История. № 6. С. 65–69.
- Петит Ф.* (2015). Гражданская республиканская теория // *Роцин Е. Н.* (ред.). Современная республиканская теория свободы. СПб.: ЕУСПб. С. 43–88.
- Скиннер К.* (2002). The State / Пер. с англ. Д. Федотенко // *Хархордин О. В.* (ред.). Понятие государства в четырех языках. СПб.: ЕУСПб; М.: Летний сад. С. 12–74.
- Скиннер К.* (2015). О свободе республик / Пер. с англ. В. Макарова и Е. Роцина // *Роцин Е. Н.* (ред.). Современная республиканская теория свободы. СПб.: ЕУСПб. С. 25–42.
- Тогоева О. И.* (2014). Узнать врага в лицо: иерархия ведьм и колдунов в «Демонологии» Жана Бодена // *Антонов Д. И., Христофорова О. Б.* (ред.). In Umbra: демонология как семиотическая система. Альманах. Вып. 3. М.: Индрик. С. 17–40.
- Хархордин О. В.* (2009). Была ли Res publica вещью? // *Хархордин О. В.* (ред.). Что такое республиканская традиция? СПб.: ЕУСПб. С. 171–246.
- Хачатурян Н. А.* (1999). Ж. Боден. Шесть книг о государстве. Перевод и комментарии // Антология мировой правовой мысли. Т. 2. М.: Мысль 1999. С. 688–695.
- Шюрбаум В.* (2009). Цицерон: De Re Publica // *Хархордин О. В.* (ред.). Res publica: история понятия. СПб.: ЕУСПб. С. 45–73.
- Apuleius* (1912). Apologia. URL: <http://data.perseus.org/texts/urn:cts:latinLit:phi1212.ph1001> (дата доступа: 19.12.2019).
- Aristotle* (1957). Πολιτικά. URL: <http://data.perseus.org/texts/urn:cts:greekLit:tlg0086.tlg035> (дата доступа: 19.12.2019).
- Baudrillart H.* (1853). Jean Bodin et son temps: tableau des theories politiques et des idées économiques au seizième siècle. P.: Guillaumin.
- Bodin J.* (1579). Les six livres de la République. P.: Jacques du Puys.
- Bodin J.* (2016). De la démonomanie des sorciers / Ed. V. Krause, Ch. Martin, E. MacPhail. Geneva: Droz.
- Bodini I.* (1591). De familia // *Bodini I.* De republica libri sex. Genève: Apud Iacobum Du-Puys.
- Chauviré R.* (1914). Jean Bodin, auteur de la «République». P.: Champion.
- Conti Odorisio G.* (2007). La famille et l'État dans «La République» de Jean Bodin. P.: L'Harmattan.
- Corpus Juris civilis (1872). Vol. 1: Institutiones. Digesta / Ed. Th. Mommsen, P. Krüger. Berolini: Apud Weidmannos.
- De Bèze T.* (1575). Du droit des magistrates sur leurs subjects: traité très nécessaire en ce temps, pour advertir de leur devoir, tant les magistrates que les subjects. Paris.
- Goyard-Fabre S.* (1989). Jean Bodin et le droit de la République. P.: PUF.
- Hotomani F.* (1586). Francogallia. Francofurdi: Apud heredes Andrae Wecheli.
- Justinus Marcus Junianus* (2003). Abrégé des Histoires Philippiques de Trogue Pompée. URL: <http://www.forumromanum.org/literature/justinx.html> (дата доступа: 19.12.2019).

- Krause V. (2013). Listening to Wirches: Bodin's Use of Confession in *De Démonamonie des Sorciers* // Lloyd H. A. (ed.). *The Reception of Bodin*. Leiden: Brill. P. 97–116.
- Krogh T. (2015). Jean Bodin: The Modern State Comes into Being // Fløistad G. (ed.). *Philosophy of Justice*. Dordrecht: Springer. P. 43–60.
- Lloyd H. A. (ed.). (2013). *The Reception of Bodin*. Leiden: Brill.
- Machielsen J. (2013). Bodin in the Netherlands // Lloyd H. A. (ed.). *The Reception of Bodin*. Leiden: Brill. P. 157–192.
- Martin C. (2013). Bodin's Reception of Johann Weyer in *De Démonamonie des Sorciers* // Lloyd H. A. (ed.). *The Reception of Bodin*. Leiden: Brill. P. 117–136.
- Moreau-Reibel J. (1933). *Jean Bodin et le droit public compare dans ses rapports avec la philosophie de l'histoire*. P.: Vrin.
- Seysse C.de (1557). *La Grand Monarchie de France*. P.: Galiot du Pré.
- Skinner Q. (1978). *The Foundation of Political Thought*. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press.
- Xenophon (1921). Οἰκονομικός. URL: <http://data.perseus.org/texts/urn:cts:greekLit:t-1g0032.tlg003> (дата доступа: 19.12.2019).

On the Concepts of the “Family” and the “Household” in the Political Theory of Jean Bodin

Gulnara Bayazitova

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, University of Tyumen

Address: Volodarskogo str., 6, Tyumen, Russian Federation 625003

E-mail: g.bayazitova@utmn.ru

The article examines the tradition of formation of the concepts “family” (famille) and “household” (ménage) in the political theory of the French lawyer, Jean Bodin. The article looks into different editions of *Six Books of the Commonwealth* to explore the connotations of the key concepts and the meaning that Bodin ascribed to them. As secondary sources, Bodin uses the works by Xenophon, Aristotle, Apuleus, and Marcus Junianus Justin, as well as the *Corpus Juris Civilis*. Bodin examines three different traditions, those of Ancient Greece, Ancient Hebrew, and Ancient Rome. Each of these traditions has its own history of the concepts of the “family” and of the “household”. Bodin refers to ancient traditions for polemics, but eventually offers his own understanding, not only of the concepts of “famille” and “ménage”, but also of the term «République», defined as the Republic, a term that (with some reservations) refers to the modern notion of state. The very fact that these concepts are being used signifies the division of the political space into the spheres of the private and the public. Furthermore, the concepts of the “family” and of the “household” are key to understand the essence of sovereignty as the supreme authority in the Republic. The author concludes that the difference between Bodin's concepts of the “family” and the “household” lies not only in the possession of property and its legal manifestation, but also in the fact that the “household” is seen by Bodin as the basis of the Republic, the first step in the system of subordination to the authority.

Keywords: la famille, le ménage, the family, the household, la république, Bodin

References

- Apuleius (1912) *Apologia*. Available at: <http://data.perseus.org/texts/urn:cts:latinLit:phi1212.phio01> (accessed 19 December 2019).
- Aristotle (1957) Πολιτικά. Available at: <http://data.perseus.org/texts/urn:cts:greekLit:tlg0086.tlg035> (accessed 19 December 2019).
- Arnautova Y. (ed.) (2014) *Slovar osnovnih istorisheskih ponyati* [Dictionary of Major Historical Concepts], Moscow: New Literary Observer.
- Baudrillart H. (1853) *Jean Bodin et son temps: tableau des theories politiques et des idées économiques au seizième siècle*, Paris: Guillaumin.
- Bayazitova G. (2016) "Gosudarstvo, gosudarstvo, vechnoe gosudarstvo..." ["State, State, Eternal State..."]. Available at: <http://gefter.ru/archive/20469> (accessed 19 December 2019).
- Bayazitova G., Mitureva D. (2012) *V predverii rozhdenia gosudarstva: yazik, pravo i philosophia v politicheskoi teorii Zhana Bodena* [In Anticipation of the Emergence of the State: Language, Law and Philosophy in the Political Theory of Jean Bodin], Tyumen: Tyumen State University.
- Bobkova M. (2000) Zhan Boden i ego traktat "Method legkogo poznanja istorii" [Jean Bodin and His Treatise "Method for Easy Comprehension of History"]. Bodin J., *Method legkogo poznanja istorii* [Method for Easy Comprehension of History], Moscow: Nauka, pp. 332–360.
- Bobkova M. (2001) Eshe odna popitka rekonstrukcii biographii Zhana Bodena [An Attempt to Reconstruct the Biography of Jean Bodin]. *Dialog so vremenem: Almanah intelektualnoj istorii. Vyp. 5* [Dialogue with Time: An Almanac of Intellectual History, Issue 5], Moscow: URSS, pp. 75–101.
- Bobkova M. (2010) "Historia pragmata": phormirovanie istoricheskogo soznania novevropeskogo obschestva ["Historia pragmata": The Formation of the Historical Consciousness of a Modern Europe Society], Moscow: IVI RAN.
- Bodin J. (1579) *Lex six livres de la République*, Paris: Jacques du Puys.
- Bodin J. (2016) *De la démonomanie des sorciers*, Geneva: Droz.
- Bodin J. (2000) *Metod legkogo poznanja istorii* [Method for Easy Comprehension of History], Moscow: Nauka.
- Bodini I. (1591) De familia. *De republica libri sex*, Genève: Iacobum Du-Puys.
- Chauviré R. (1914) *Jean Bodin, auteur de la "République"*, Paris: Champion.
- Conti Odorisio G. (2007) *La famille et l'État dans "La République" de Jean Bodin*, Paris: L'Harmattan.
- De Bèze T. (1575) *Du droit des magistrates sur leurs sujets: traité très nécessaire en ce temps, pour advertir de leur devoir, tant les magistrates que les sujets*, Paris.
- Dozhdev D. (1993) *Rimskoe arhaicheskoe nasledstvennoe pravo* [The Roman Archaic Inheritance Law], Moscow: Nauka.
- Goyard-Fabre S. (1989) *Jean Bodin et le droit de la République*, Paris: PUF.
- Hotomani F. (1586) *Franco Gallia*, Francofurdi: Apud heredes Andrae Wecheli.
- Ivonina L. (2015) Monopolizacija vlasti i gosudarctvenni suverenitet v epohu klassicheskoi Evropy [The Monopolization of Power and Sovereignty in the Era of Classical Europe]. *Historical Format*, no 1, pp. 92–103.
- Justinus Marcus Junianus (2003) *Abrégé des Histoires Philippiques de Trogue Pompée*. Available at: <http://www.forumromanum.org/literature/justinx.html> (accessed 19 December 2019).
- Kharkhordin O. (2009) Byla li Res publica veshcyu? [Was the Res publica a Thing?]. *Chto takogo respublikanskaja tradicija?* [What is Republican Tradition?] (ed. O. Kharkhordin), Saint Petersburg: European University, pp. 171–246.
- Khatchaturian N. (1999) Zh. Boden. Schest knig o gosudarstve [J. Bodin, Six Books of a Commonwealth]. *Antologia mirovoi pravovoi misli. T. 2* [Anthology of World Legal Thought, Vol. 2], Moscow: Misl, pp. 688–695.
- Kofanov L. (ed.) (2005) *Digesti Yustiniana, T. 7, Half 2*, Moscow: Statut.
- Kogan-Bernshtein F. (1946) *Jekonomicheskie vzgljady Bodena* [The Economic Views of Bodin]. *Srednie veka*, vol. 2, pp. 333–348.

- Kola D. (2002) Politicheskaja semantika "Estat" i "état" vo francuzskom jazyke [Political Semantics of 'Estat' and 'état' in French]. *Ponjatije gosudarstva v chetyrjoh jazykah* [The Notion of the "State" in Four Languages] (ed. O. Kharkhordin), Saint Petersburg: European University, pp. 75–113.
- Krause V. (2013) Listening to Wirches: Bodin's Use of Confession in *De Démonamonie des Sorciers. The Reception of Bodin* (ed. H. A. Lloyd), Leiden: Brill, pp. 97–116.
- Krivushin I. (2018) Vozvrashenie Bodena [The Return of Bodin]. Bodin J., *Metod legkogo tchtenya istorii. T. 1: Thto est istorisheskji zhanr* [Method for Easy Comprehension of History, Vol. 1: What is the Historical Genre], Moscow: HSE, pp. 26–30.
- Krogh T. (2015) Jean Bodin: The Modern State Comes into Being. *Philosophy of Justice* (ed. G. Fløistad), Dordrecht: Springer, pp. 43–60.
- Lloyd H. A. (ed.) (2013) *The Reception of Bodin*, Leiden: Brill.
- Machielsen J. (2013) Bodin in the Netherlands. *The Reception of Bodin* (ed. H. A. Lloyd), Leiden: Brill, pp. 157–192.
- Marey A. (2016) O Zhane Bodene zamolvite slovo [Say a Word about Jean Bodin]. Available at: <http://gefter.ru/archive/20194> (accessed 19 October 2018).
- Martin C. (2013) Bodin's Reception of Johann Weyer in *De Démonamonie des Sorciers. The Reception of Bodin* (ed. H. A. Lloyd), Leiden: Brill, pp. 117–136.
- Mityureva D. (2016) K voprosu o preemstvennosti ideji J. Bodena v tractate J. Bodena i D. Uira [On the Question of Continuity of Ideas of Jean Bodin in a Treatise by Degory Wheare]. *Tomsk State University Journal of History*, no 6, pp. 65–69.
- Mommsen Th., Krüger R. (eds.) (1872) *Corpus Juris civilis, Vol. 1: Instituiones. Digesta*, Berolini: Apud Weidmannos.
- Moreau-Reibel J. (1933) *Jean Bodin et le droit public compare dans ses rapports avec la philosophie de l'histoire*, Paris: Vrin.
- Petit F. (2015) Grajdanskaya respublikanskaya teorija [Civic Republicanism]. *Sovremennaya respublikanskaya teorija svobod*i [Modern Republican Theory of Freedom] (ed. E. Roschin). Saint Petersburg: European University, pp. 43–88.
- Seyssel C. de (1557) *La Grand Monarchie de France*, Paris: Galiot du Pré.
- Shyurbaum V. (2009) Ciceron: De Re Publica [Cicero: De Re Publica]. *Res publica: istorija ponjatija* [Res Publica: The History of the Concept] (ed. O. Kharkhordin), Saint Petersburg: European University, pp. 45–73.
- Skinner K. (2002) The State [The State]. *Ponjatije gosudarstva v chetyrjoh jazykah* [The Notion of the "State" in Four Languages] (ed. O. Kharkhordin), Saint Petersburg: European University, pp. 12–74.
- Skinner Q. (1978) *The Foundation of Political Thought, Vol. 2*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Skinner Q. (2015) O svobode respublik [On The Liberty of Republics]. *Sovremennaya respublikanskaya teorija svobod*i [Modern Republican Theory of Freedom] (ed. E. Roschin), Saint Petersburg: European University, pp. 25–42.
- Togoeva O. (2014) Uznat vruga v lico: ierarhia vedm i koldunov v "Demonomanii" Zhana Bodena [To Know Your Enemy: The Hierarchy of Witches and Sorcerers in "Demonomania" by Jean Bodin]. In *Umbrā: Demonologia kak semioticheskaya Sistema. Vyp. 3* [In Umbrā: Demonology as a semiotic System, Issue 3], Moscow: Indrik, pp. 17–40.
- Xenophon (1921). Οικονομικός. Available at: <http://data.perseus.org/texts/urn:cts:greekLit:tlg0032.tlg003> (accessed 19 December 2019).